ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN — POLONIA
VOL. XXXVI, 21 SECTIO G 1989

Университет им. Ив. Франко во Львове
Кафедра Теории Государства и Права

Пётр РАБИНОВИЧ

Время в правовом регулировании
(К вопросу о своевременности правотворчества)

Die Zeit in der rechtlichen Regelung

Время в правовом регулировании – это одна из тех проблем, исследуя которые, теория государства и права может ныне внести ощутимый вклад в научно-правовое обеспечение ускорения социально-экономического развития.

Общеобязательность достаточно быстрого, диктуемого современными потребностями и условиями темпа любой социальной деятельности не может быть обеспечена вне правого регулирования. Только юридическим нормам под силу устанавливать предельно четкие, непреложные сроки совершения дозволенных либо необходимых действий, связывать с истечением определенного времени обязательные последствия. Поэтому право способно быть одним из эффективных социальных инструментов экономии времени. А „всякая экономия, – по словам К. Маркса, – в конечном счёте, сводится к экономии времени."[1]

Разумеется, право регулирует не время как таковое, само по себе, а временные (темпоральные) параметры деятельности: ее длительность, скорость и т. д., выступая одним из средств освоения времени. Поскольку же такие показатели поведения регламентируются в той или иной мере, пожалуй, во всех отраслях права, проблема „право и время" имеет общеюридический характер и, следовательно, должна полновесно войти в предмет общетеоретического правоведения. Между тем в этой науке разработан основательно лишь один фрагмент данной проблемы – тем-

[1] Маркс К.: Экономические рукописи 1857–1859 годов, [в:] Маркс К., Энгельс Ф.: Соч. 2-ое изд. т. 46. ч. 1. с. 117.

поральное юридическое действие нормативных актов[2], но целый ряд вопросов, к ней относящихся, по существу и не ставился. В советской литературе исключение составляют работы Г. И. Петрова, в которых выделены временные категории, чаще всего используемые в правовом регулировании: датирование, длительность, повторяемость, одновременность, последовательность и преемственность.[3]

Укажем лишь некоторые из таких вопросов.

1. Выявление тех особых функций, выполнять которые призваны правовые нормы и другие юридические средства, имеющие своим ближайшим объктом воздействия именно темпоральные проявления, стороны общественных отношений. Как и других случаях, такие функции могут быть подразделены на общесоциальные и специально-юридические. К первым относятся, например, поддержание временной упорядоченности общественной жизни; обеспечение темпоральной определенности в социальном общении различных субъектов; интенсификация их жизнедеятельности в целях экономии времени. Среди вторых можно назвать: организацию (или, по крайней мере, содействие в организации) реальных темпоральных возможностей для осуществления субъективных прав и выполнения юридических обязанностей; ускорение выполнения обязанностей, защиты или восстановления нарушенных прав, устранения последствий правонарушений.

2. Общетеоретическая характеристика основных направлений, путей правового воздействия на временные показатели поступков (поведения, деятельности). Среди таких направлений можно обозначить, в самом общем виде, следующие:

— установление времени (момента) начала определенной деятельности (регламентация своевременности);

— установление временных — календарных, либо иных — пределов, границ юридически значимой деятельности путем указания моментов ее начала и завершения (регламентация длительности, сроков);

— установление времени, в течение которого должен быть достигнут определенный результат деятельности, либо, иначе говоря, определение меры деятельности — ее вида и „количества", выполняемой за единицу времени (регламентация скорости, темпа);

[2] См., например: Туманов В. А.: Вступление в силу норм советского права, [в:]Ученые записки ВИНЮЮ. Вып. 7-м., 1958. с. 88-130; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм, М. 1960. с. 281–306; Тилле А. А.: Время, пространство, закон, Действие советского закона во времени и пространстве. М. 1965. – с. 5- 100; Алексеев С. С.: Проблемы теории права, т. 2, Свердловск 1973. с. 121–134; Perowić S.: *Retroactivnost zakona i drugih opstih akata*, Beogard 1984.

[3] Петров Г. И.: Фактор времени в советском праве [в:] Правоведение 1982, №6, с. 46–52. Его же. Время в советском социальном регулировании, Правоведение 1983, №6, с. 47–52.

— установление временного „отрезка", по миновании которого наступают определенные изменения в юридических правах и обязанностях субъектов (регламентация юридической значимости истечения времени);

— указание фактов, с наступлением которых начинается отсчет сроков, связанных с определенными юридическими последствями (регламентация момента, „порождающего" юридическую значимость течения времени).

Нельзя не заменить, что отмеченные разновидности темпорально-правового регулирования осуществимы нетождественными, различными способами. В отраслевой литературе некоторые из них рассматривались главным образом в связи с определением сроков (длительности) совершения юридических значимых действий[4], а также с измерением „количества" времени, влекующего юридические последствия (в частности, давности[5], трудового стажа[6]). Но эти исследования, очевидно, не могут заменить общетеоретического анализа всего комплекса средств правового регулирования времени деятельности.

3. Дифференцированное исследование условий оптимального использования каждого из названных методов, условно говоря, правового регулирования времени применительно к общественным отношениям, различающимся по их темпорально-содержательным характеристикам. Среди таких отношений выделяются: а) длящиеся, б) повторяющиеся и в) одномоментные, „одноактные".

Следует отметить, что для разноаспектных общетеоретических исследований проблемы „право и время" сейчас сложились более благоприятные условия в связи с тем, что в диалектико-материалистической философии и иных науках изучены новые грани феномена времени, разработаны новые методолические значимые темпоральные понятия и подходы. К ним относятся: различение реального времени (временной реальности) и идеального времени (понятия времени); выделение таких объективных форм времени, как естественно-природные (физическое, биологическое и др.) и социальные (в особенности историческое, экономическое), от которых следует отличать субъективные формы времени (индивидуаль-

---

[4] См. напр. Гинцбург Л. Я.: Регулирование рабочего времени в СССР, М. 1965; Муксинова Л. А.: Проблемы регулирования рабочего времени в СССР, М. 1969; Грибанов В. П.: Сроки в гражданском праве, М. 1967; Михайленко А. П.: Проблема времени в уголовном судопроизводстве, Правоведение 1983, №2, с. 92-96; Бужинскас Г. П.: Процессуальные сроки в гражданском судопроизводстве. Автореф. канд. дисс... юрид. наук., М. 1987; Nowikowski J.: *Terminy w kodeksie postępowania karnego*, Lublin 1988

[5] См. напр.: Новицкий И. Б.: Сделки, Исковая давность, М. 1966; Ткачевский Ю М.: Давность в советском уголовном праве, М. 1978.

[6] См. напр.: Бодерскова Н. Н.: Трудовой стаж рабочих и служащих, М. 1975; Мелещенко Н. Т.: Трудовой стаж в социальном обеспечении рабочих (служащих) и членов колхозов, Калинин 1980.

но- и социально-психологические); серия специальных темпоральных понятий: деление, продолжительность, непрерывность, регулярность, последовательность, постепенность, интенсивность, пауза, интервал, ритм, частота, фаза, цикл и др. Достигнуто значительное продвижение в изучении таких фундаментальных свойств времени, как универсальность, объективность, однонаправленность (необратимость), одномерность, бесконечность, а благодаря этому — и в постижении темпоральных закономерностей жизнедеятельности человека и общества.

Многие из приведенных философско-социологических положений могут, с учетом специфики предмета исследования, корректно применяться и в правоведении. (Например, в связи с различением в правовом регулировании времени объективного и времени субъективного вызывают интерес высказанные в румынской литературе соображения об онтологических и гносеологических характеристиках времени в праве[7]).

Учитывая рамки статьи, рассмотрим здесь кратко лишь один вопрос из темпорально-юридической проблематики: своевременность правотворческой деятельности. Об его актуальности свидетельствуют участившиеся в нынешних условиях расхождения в оценках своевременности проведения тех или иных законодательных преобразований. Вспомним, к примеру, что некоторая часть граждан считала поспешными изменения и дополнения Конституции СССР, внесенные в неё законом СССР от 1 декабря 1988 г.[8]

Своевременность — одно из основных, имманентных свойств любой деятельности, урегулированной правом, особенно же деятельности государственных органов и других организаций, а также должностных лиц. В одних случаях оно признается юридически обязательным — и тогда несвоевременность соответствующей деятельности дает основание квалифицировать ее как неправомерную. В других же случаях оно считается условием наступления (или, наоборот, ненаступления) определенных юридических последствий. И тогда несвоевременность действия влечет так называемую санкцию ничтожности: каких-либо изменений в правах и обязанностях субъектов не происходит.

При обсуждении обозначенной проблемы уместно учитывать истолкование понятия своевременности как связи закономерности объективного развития событий с закономерностью личностного времени.[9] Разумеется, применительно к деятельности субъектов правового регулирования это

---

[7] Căpăţînă O.: *Essai sur les notions de tempset d'èspace en droit*, Revue Roumaine des Sciences Sociales. – Sciences Juridiques, t. 31, 1987, №1, с. 45–52.

[8] См. напр.: Горбачов М. С.: К полновластию Советов и созданию социалистического правового государства. М. 1988. с. 4–5, 11.

[9] Абульханова-Славская К. Е.: Деятельность и психология личности. М. 1980, с. 140.

общеметодологическое положение нуждается в соответствующей „спецификации".

Своевременность правотворчества — одно из непременных условий обеспечения высокого качества законов. Поэтому в юридической регламентации деятельности правотворческих органов понятие своевременности используется для установления их обязанности настолько оперативно вносить изменения в действующее законодательство, чтобы оно вполне соответствовало обстоятельствам, в которых будет реализовываться, претворяться в жизнь. Эта обязянность устанавливается либо путем указания календарного срока, к которому надлежит подготовить проект нового (или измененного) нормативно-правового акта, либо же путем абстрактно сформулированного требования „своевременно" совершенствовать законодательство.

Первый способ используется, в частности, при планировании подготовки законодательных и иных нормативных актов, практикуемом в нашей стране уже в течение десяти лет. Плановый срок и выступает здесь критерием своевременности правотворческого решения.

В других же случаях рассматриваемое свойство правотворческой деятельности программируется оценочным (ситуационным) понятием. Так, в Государственном общесоюзном стандарте (ГОСТ) 1.0-85 „Государственная система стандартизации. Основные положения" предусмотрено, что одним из основных направлений работ по стандартизации в СССР является обновление действующих стандартов и технических условий на продукцию с целью своевременной замены устаревших показателей и приведения их в соответствие с потребностями народного хозяйства, населения, обороны страны и экспорта (п. 1.3.1). При этом руководители предприятий, организаций и учреждений несут персональную ответственность за своевременное обновление стандартов и технических условий (п. 1.18).[10]

Как же следует в подобных случаях понимать, определять своевременность правотворчества? Ответ на этот вопрос приобретает, очевидно, непосредственно практическое значение.

Нам же доводилось отмечать, что к оценочно-правовым относятся понятия, характерузующие лишь значимость (общесоциальную, классовую, групповую, личностную) таких поступков, чьи формально определенные признаки не описываются в нормативных актах.[11] Необходимость прибегать в законодательстве к понятиям такого рода объективно обуславливается тем, что в ряде случаев действия, одинаковые по своим внешнием, эмпирически фиксируемым признакам, приобретают неод-

[10] Государственная система стандартизации. М. 1986, с. 4, 8.

[11] Проблема см. Рабинович П. М.: Социалистическое право как ценность, Львов 1985, с. 17-18.

наковую социальную значимость и наоборот: различные по формальным показателям действия могут обладать,при определенных условиях, одинаковой социальной значимостью. Поэтому, когда в правовом регулировании предстоит воспользоваться оценочно-темпоральным понятием, то требуется не просто „подсчитать" количество истекшего времени, прибегнув к календарю и т. п., а необходимо установить, какие реальные факты, действия в исследуемой ситуации действительно обладают (или обладали) той социальной значимостью, которая зафиксирована в понятии „своевременность".

Учитывая сказанное, нуждается в уточнении представление о том, что „в праве исходят из физического (кинетического) понимания времени (и его метрических свойств: час, сутки, год) применительно к макромиру."[12] Такое представление справедливо, надо полагать, только для тех ситуаций, когда темпоральные параметры поведения, деятельности задаются формально определенными (прежде всего календарными) показателями. Но если для этого используются оценочные показатели (понятия), то имеется в виду именно социальное время, которое, конечно же, может быть „приведено" к его метрическим свойствам, однако вовсе не с ними связываються в этом случае юридические последствия.

Объективное социальное время, согласно одному из его определений, это совокупное, или суммарное, время существования и деятельности всех членов общества, вступающих в процессе деятельности в разного рода отношения, а короче — „время общественного бытия людей."[13]

По отношению к обеспечению своевременности правотворческой деятельности решение данной задачи усложняется тем, что оно обуславливается не только объективным социальным временем, но и испытывает, так или иначе, воздействие субъективного (социально- и личностно-психологического) времени. Такое время — это отражение в сознании (восприятие, понимание, оценка субъектом) объективных свойств времени тех или иных процессов; это духовное отражение темпоральных свойств объективной реальности. Причем отражение как в индивидуальном сознании, так и в общественном (в том числе в науке, искусстве и т.д.).[14] И если у правотворческого субъекта возникают, в силу тех или иных причин, расхождения между его субъективным временем и временем объективным[15], то это, как правило, приводит к принятию несвоевременных (запоздавших, а бывает, — и преждевременных) нормативных актов.

[12] См. Власенко Н. А.: Коллизионные нормы в советском праве. Иркутск 1984, с. 57.

[13] Артёмов В. А.: Социальное время, Новосибирск 1987, с. 9–10.

[14] См. напр.: Ярская В. Н.: Научное превидение: Вопросы методологии, Саратов 1980, с. 119.

[15] Такими причинами могут быть, в частности, объективно возникающие, непознанные темпоральные противоречия (см.: Сучкова Г.Г.: Время как проблема гносеологии. Ростов 1988, с. 38–39).

Хотя социализм и способен создать в целом благоприяную обстановку для предотвращения таких расхождений, однако, как свидетельствует его реальная история, сам по себе не исключает их. Так, застойные явления, распространившиеся в СССР во второй половине 70-х-начале 80-х годов, были порождены не в последнюю очередь тем, что руководящие органы партии и государства „прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление, на более полное использование возможностей, заложенных в социалистическом строе."[16] В этих условиях проявления застойности имели место, естественно, и в области правотворчества. Вспомним, к примеру, что прошло почти десять лет, пока был принят предусмотренный Конституцией СССР 1977 года Закон о порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан.

Анализируя подобные факты, следует различать, вообще говоря, две основные причины запоздалого изменения законодательства:

а) несвоевременное обнаружение соответствующими органами управления того обстоятельства, что действующий закон устарел или что возникли новые отношения, нуждающиеся в правовом урегулировании (социально-гносеологические причины);

б) чрезмерно медленная, затянувшаяся деятельность правотворческих (и правоподготовительных) органов по изменению закона, хотя решение об этом было принято вовремя (организационно-политические причины).

В названной проблеме весьма важным вопросом является установление временного интервала, в пределах которого изменение закона следует считать своевременным. Научные рекомендации по определению момента устаревания закона приобретают в данном случае непосредственно прикладное значение для тех органов, которым вменено в обязанность обеспечивать своевременное совершенствование законодательства. В качестве возможной рабочей гипотезы по этому вопросу, рассчитанной на дальнейшее изучение и обсуждение, можно высказать здесь следующие положения.

Утрата законом его положительной социальной значимости (ценности), целесообразности, эффективности происходит обычно не мгновенно, а в течение более или менее длительного периода. Этот процесс, начинающийся вследствие неизбежного именеия условий,в которых действует закон, протекает, надо полагать, таким образом, что на первых порах закон перестает быть наилучшим, оптимальным средством удовлетворе-

[16] Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года, М. 1987, с. 7–8; См. также: Материалы XXVII съезда КПСС. М. 1986, с. 23, 101, 139.

ния определенных потребностей, достижения целей (каким он должен был быть, в принципе, на момент его принятия), но все же еще сохраняет значение одного из средств: цель закона хотя и достигается, но более сложным путем, с большими издержками, медленнее и т. п. С течением времени, однако, закон может становиться все менее действенным и, наконец, в какой-то момент вообще утрачивает способность быть „средством" — он превращается в свою противоположность: становится препятствием в достижении цели законодателя. Вот эта, как ее можно назвать, полоса устаревания закона (период, когда закон еще продолжает выполнять роль средства, пусть и не лучшего, для достижения цели) и составляет тот промежуток времени, в течение которого совершенствование закона представляется, в принципе, своевременным. Таким образом, из объективной диалектики цели и закрепленных в законе средств, очевидно, и должна исходить темпоральная оценка последних. И в этом — одно из проявлений того положения, что „многообразные «вовремя»" имеют закономерный, а не волюнтаристский характер."[17]

Практически ощутимыми симптомами устаревания закона могут выступать: недостижение цели законодателя при правильном, точном осуществлении закона, а также достижение ее с большими трудностями, нежели в начале его реализации; стремление практиков по-новому истолковать, скорректировать, а то и „отложить в сторону" закон. В условиях, когда эффективность закона отслеживается постоянно, когда в обществе господствует демократический режим, выявляется и учитывается общественное мнение, пользуется надлежащим влиянием правоведения и другие науки, — все подобные симптомы могут проявляться и фиксироваться достаточно оперативно. В том случае, когда научно изучаются все существенные изменения обстановки, в которой осуществляется закон, — и прежде всего изменения потребностей, удовлетворение которых он призван опосредовать, — вполне возможно установить причину, вызвавшую ослабление его действенности. Разумеется, фиксирование момента, когда необходимо закон изменить, не является практически легкой, простой задачей. Но все же она не относится к числу принципиально невыполнимых.

Однако не только в связи с изменением потребностей и условий, в которых действует поначалу эффективный, целесообразный закон, возникает проблема своевременности его совершенности. С ней приходится сталкиваться и тогда, когда в процессе развития науки, техники, общественной практики создаются более действенные средства удовлетворения прежних же потребностей, достижения выдвинутых ранее целей, чем те, которые были известны на момент принятия закона и им запрограммированы.

---

[17] Данченко А. П.: Фактор времени в нравственном становлении и развитии личности, Ленинград 1988, с. 67.

Ряд приведенных положений, думается, справедлив и применительно к фиксированию начального момента процесса устаревания закона, ранее которого (момента) изменение его окажется преждевременным.

Упреждение принятия таких законов, для осуществления которых отсутствуют необходимые средства и условия, нейтрализация своего рода законодательного романтизма — важный аспект проблемы „право и время". Необходимой методологической предпосылкой его научного анализа выступают общесоциологические аспекты исследования причин и механизмов тех ситуаций, которые отображаются понятиям и „перегибы", „забегание вперед" и т.п. Такие исследования, разворачивающиеся ныне, привели некоторых авторов к выводу о том, что преждевременность — явление более многоплановое и типичное для теории и практики социализма.[18] Этот вывод нельзя не учитывать и в правотворчестве.

Весьма существенен и вопрос об организационно-правовом механизме выявления и удостоверения того, устарел определенный закон или же нет. Например, в СССР предлагалось предоставить право судам, которые „сталкиваются с законом уже устаревшим, выносить в его адрес частное определение", а также доводить свое мнение по этому вопросу до сведения Комитета конституционного надзора СССР.[19] По поводу этого предложения хотелось бы отметить, что, во-первых, указанное право целесообразно предоставить только Верховному Суду СССР (и, возможно, Верховным судам союзных республик), чье мнение, опирающиеся на обобщение всей судебной практики, будет несравненно обоснованнее. А, во-вторых, для тех законов, которые судами не применяются, будет необходимым иной механизм оценки.

Весьма актуальной является и проблема своевременности применения юридических норм. Но это — тема отдельной работы.

[18] Алтухов В. П.: Октябрь и современные проблемы диалектики общественного развития, Вопросы философии 1987, №11, с. 8.

[19] См.: Советская культура 1988, 4 ноября.

ZUSAMMENFASSUNG

Die Arbeit ist einigen rechtsphilosophischen Aspekten der Zeit gewidmet (besonders der Aktualität der Rechtsbildung). Dieses Problem ist besonders aktuell in bezug auf die unentbehrliche Beschleunigung der gesellschaftlichen Prozesse. Wenn man die rechtliche Regelung analysiert, die ein von den wirkungsvollsten Mitteln der „Zeitbeherrschung" ist, kann man besonders ihre Hauptfunktionen aussondern: die Zeitordnung des Gesellschaftslebens festzuhalten; die Zeitgrenzen für die gesellschaftlichen Beziehungen zu bestimmen; die Lebensaktivität verschiedener Subjekte zwecks der Ausnutzung der Zeit (Zeitökonomik) zu intensivieren. Diese Funktionen werden als gesamtgesellschaftlich bezeichnet. Die Zeitregelung in der Gesetzgebung bildet die zeitlich (temporal) beschränkten Möglichkeiten, die Subjektrechte zu realisieren und die rechtliche Pflicht zu erfüllen; sie dient noch der Beschleunigung der Verteidigung und der Wiederherstellung der verletzten Rechte. Es sind Sonderfunktionen.

Die meist verbreitete Methode der rechtlichen Beeinflussung der temporalen Aktivitätbeschränkung ist deren Reglementierung hinsichtlich: a) des Anfangs; b) der Dauer (Termine); c) des Tempos; d) der Konsequenzen, die Nachfolge des Ablaufs einer bestimmten „Zeitmenge" sind. Die Ausnutzung dieser Methoden gibt Voraussetzung, daß die gesellschaftlichen Beziehungen (neben den anderen Bedingungen) speziell, temporal reguliert werden. Unter den Beziehungen unterscheidet man — nach vorgestellten Voraussetzungen — beständige, wiederkehrende und einmalige Beziehungen.

Besondere Aufmerksamkeit wird der Analyse des allgemeintheoretischen Begriffes „Aktualität der Rechtsbildung (Gesetzgebung)" und der Charakteristik mancher von seinen Bedingungen und Voraussetzungen geschenkt. Diesbezüglich wird ein Arbeitsbegriff „Sphäre (Zeitdauer) der Alterung des Gesetzes (Rechts)" gebildet, um diesen Zeitabschnitt (Zeitabstand) wiederzuspiegeln, während dessen das Recht, allgemein genommen, imstande ist, die Rolle des Mittels zu spielen — obgleich nicht immer des besten — das dem Zweck dient, die Gesetzgebungsziele zu erreichen und die bestimmten gesellschaftlichen Bedürfnisse zu befriedigen. Die Änderungen oder Vergegenwärtigung des Rechts in so bestimmter Zeit sollte man in der Regel als richtig erkennen.